



## «Я ДУМАЛ, ПРИЕХАТЬ В РОССИЮ — ЭТО КАКОЕ-ТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ»: НЕДОКУМЕНТИРОВАННЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ГРУЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Евгения Юрьевна Захарова*

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН  
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия  
evgenics@gmail.com

**Аннотация:** Статья выполнена в рамках исследования грузинской миграции в Россию, сосредоточенного преимущественно на «этническом» бизнесе в крупных городах. Автор задается вопросом, как недокументированность (undocumentedness) и депортируемость (deportability) влияют на организацию повседневной жизни и выстраивание жизненных стратегий новых трудовых мигрантов из Грузии, а также на условия их труда и взаимоотношения с работодателями, иными словами, что собой представляет жизнь в пространстве правовой неопределенности. Этот исследовательский вопрос определяет формулировку следующего — о восприятии мигрантами своего правового статуса, уровня законности в России и ее как таковой в качестве принимающего государства. В статье также рассматривается естественный аспект недокументированности — легализационные практики грузинских трудовых мигрантов. Автор приходит к выводу, что вследствие комбинации разного рода неправомерностей грузинские трудовые мигранты испытывают фактически все трудности «навязанного несуществования»: трансформацию обычных практик, таких как работа или передвижение, в скрытые, ограничение физической и социальной мобильности. Свое положение мигранты воспринимают как исключительное с правовой точки зрения, недокументированность создает у них ощущение изолированности и навязанной невидимости. Притом что жизнь в России требует от мигрантов усилий по поддержанию своей невидимости для российского государства, его присутствие остро проявляется во многих аспектах их повседневности.

**Ключевые слова:** трудовые мигранты, Грузия, ресторанный бизнес, правовая неопределенность, недокументированность, депортируемость, легализация, восприятие государства.

**Благодарности:** Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда «Транснациональные и транслोकальные аспекты миграции в современной России», № 14-18-02149-П, выполнявшегося при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

**Для цитирования:** Захарова Е. «Я думал, приехать в Россию — это какое-то преступление»: недокументированные трудовые мигранты из Грузии в пространстве правовой неопределенности // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 155–187.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-155-187

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/zakharova.pdf>

---

## ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 46

### “I THOUGHT THAT COMING TO RUSSIA WAS A KIND OF CRIME”: UNDOCUMENTED LABOR MIGRANTS FROM GEORGIA IN THE SPACE OF LEGAL UNCERTAINTY

*Evgenia Zakharova*

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),  
Russian Academy of Sciences  
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia  
evgenics@gmail.com

**Abstract:** The article was prepared as part of a study of Georgian migration to large cities in Russia, which focuses primarily on Georgian “ethnic” business. The author addresses the question of how undocumentedness and deportability affect the organization of daily life and life strategies of new labor migrants from Georgia, and how these influence their working conditions and relationship with entrepreneurs who make use of their labor. In other words, what does it mean to live in the space of legal uncertainty? This research task determines the wording of the next question about the migrants’ perception of their legal status, the level of legality in Russia and the host state as such. The article also considers a natural aspect of undocumentedness — the legalization practices of Georgian labor migrants. The author concludes that Georgian labor migrants experience virtually all dimensions of “imposed non-existence”: the transformation of ordinary actions, such as work or traveling — due to a combination of various kinds of ineligibility — into illicit ones, restrictions of physical as well as social mobility. Migrant workers from Georgia perceive their situation as exceptional from a legal point of view; their undocumentedness creates a feeling of isolation and imposed invisibility. On the other hand, most of their life in Russia involves efforts to maintain their invisibility to the Russian state. At the same time, the presence of the state is clearly manifested in many aspects of their everyday life.

**Keywords:** labor migrants, Georgia, restaurant business, legal uncertainty, undocumentedness, deportability, legalization, perception of the state.



Acknowledgements: The article was prepared as part of the project “Transnational and Translocal Aspects of Migration in Modern Russia”, no. 14-18-02149-П, carried out at the European University at St Petersburg.

To cite: Zakharova E., “Ya dumał, priekhat v Rossiyu — eto kakoe-to prestuplenie”: nedokumentirovannye trudovye migranty iz Gruzii v prostranstve pravovoy neopredelennosti’ [“I Thought That Coming to Russia Was a Kind of Crime”: Undocumented Labor Migrants from Georgia in the Space of Legal Uncertainty], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 155–187.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-155-187

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/zakharova.pdf>

Евгения Захарова

## «Я думал, приехать в Россию — это какое-то преступление»: недокументированные трудовые мигранты из Грузии в пространстве правовой неопределенности

Статья выполнена в рамках исследования грузинской миграции в Россию, сосредоточенного преимущественно на «этническом» бизнесе в крупных городах. Автор задается вопросом, как недокументированность (undocumentedness) и депортируемость (deportability) влияют на организацию повседневной жизни и выстраивание жизненных стратегий новых трудовых мигрантов из Грузии, а также на условия их труда и взаимоотношения с работодателями, иными словами, что собой представляет жизнь в пространстве правовой неопределенности. Этот исследовательский вопрос определяет формулировку следующего — о восприятии мигрантами своего правового статуса, уровня законности в России и ее как таковой в качестве принимающего государства. В статье также рассматривается естественный аспект недокументированности — легализационные практики грузинских трудовых мигрантов. Автор приходит к выводу, что вследствие комбинации разного рода неправомерностей грузинские трудовые мигранты испытывают фактически все трудности «навязанного несуществования»: трансформацию обычных практик, таких как работа или передвижение, в скрытые, ограничение физической и социальной мобильности. Свое положение мигранты воспринимают как исключительное с правовой точки зрения, недокументированность создает у них ощущение изолированности и навязанной невидимости. Притом что жизнь в России требует от мигрантов усилий по поддержанию своей невидимости для российского государства, его присутствие остро проявляется во многих аспектах их повседневности.

Ключевые слова: трудовые мигранты, Грузия, ресторанный бизнес, правовая неопределенность, недокументированность, депортируемость, легализация, восприятие государства.

Присоединяясь с «грузинским» сюжетом к проекту, посвященному миграции в современной России, я предполагала построить свое исследование вокруг изучения восприятия мигрантами из Грузии последних десятилетий непростых и переменчивых отношений между отправившим их государством, Грузией, и Россией, куда они по той или иной причине мигрировали. Однако случайная встреча изменила мои планы. Однажды, когда я проходила мимо кафе грузинской кухни, меня окликнул вышедший на улицу покурить повар. Я ответила по-грузински и была немедленно приглашена угоститься хачапури и бокалом вина за счет заведения. Последовавший за приглашением душевный разговор, продлившийся и после закрытия кафе, открыл для меня проблему недокументированной миграции из Грузии<sup>1</sup>, непростую повседневность и сложный

Евгения Юрьевна Захарова

Музей антропологии и этнографии  
(Кунсткамера) РАН,  
Санкт-Петербург, Россия  
evgenics@gmail.com

<sup>1</sup> На момент подготовки статьи к печати недокументированная миграция из Грузии стала скорее исключением или остаточным явлением, представленным единичными случаями тех мигрантов, которые не смогли ни вернуться в Грузию, ни получить разрешающие пребывание в России документы. Теперь трудовые мигранты из Грузии прибывают в Россию, оформив въездную визу.

эмоциональный опыт людей, которые приехали работать в Россию, одновременно враждебную и очень близкую страну, где в последние годы вновь так полюбили грузинскую кухню.

2000-е гг. ознаменовались сдвигом внимания антропологов с изучения «нелегальных мигрантов» как категории к исследованию их «нелегальности» или «недокументированности» как политического статуса и социополитической данности [Coutin 2000; De Genova 2002; Ngai 2004; Peutz 2006]. Эти работы сосредотачивались на «нелегальности» мигрантов как инструменте конструирования нации, при помощи которого государство утверждает свою суверенность и «перезагружает» водораздел между категориями «граждане» и «неграждане». Следующим аналитическим поворотом в исследовании «нелегальной» миграции стал фокус на изучении влияния недокументированности (undocumentedness) и угрозы депортации, депортируемости (deportability), на повседневный жизненный опыт мигрантов. Работы, выполненные в рамках этого подхода, сосредоточиваются на проявлениях «нелегальности» преимущественно в трех аспектах: специфике переживания мигрантами времени, пространства (включая мобильность) и телесности [Burman 2006; Willen 2007b; Reeves 2015]. В ряду работ, исследующих опыт недокументированных мигрантов, стоит также небольшое эссе Натали Петс, фокусирующееся на восприятии депортируемыми законодательства принимающего государства и практик его применения [Peutz 2007].

Как пишет Сара Виллен, взаимоотношения между «нелегальными» мигрантами, с одной стороны, и принимающими их государствами — с другой, сильно варьируют в разных миграционных контекстах. Причем эти различия определяются не только спецификой миграционных режимов государств, но и местными иерархиями этничности, гражданственности, условий труда и эмоциональных составляющих [Willen 2007a: 3].

Тем не менее в большинстве исследований, сосредоточенных на изучении повседневности и субъективного опыта недокументированных мигрантов, их рассматривают в миграционном контексте США и западноевропейских государств. На постсоветском материале таких исследований выполнено настолько мало, что уместно говорить об имеющейся в этом отношении лакуне. В качестве редкого примера можно назвать статью Мадлен Ривз, которая исследует «этнографические реалии» кыргызстанских трудовых мигрантов в Москве и выявляет социальные, юридические и эмоциональные аспекты подверженности депортации через «отношения и объекты, при помощи которых она конституируется» [Reeves 2015: 124]. Мое исследование недокументированных трудовых мигрантов из Грузии

в российские крупные города призвано способствовать сокращению историографического пробела в исследованиях на постсоветском материале.

В отношении грузинских трудовых мигрантов я задаюсь вопросом, как недокументированность и депортируемость влияют на организацию их повседневной жизни, а также на условия труда и взаимоотношения с предпринимателями, привлекающими их труд, иными словами, что собой представляет жизнь в пространстве правовой неопределенности. Я попытаюсь охватить вышеназванные аспекты переживания мигрантами своей недокументированности и угрозы депортации, а именно восприятие ими времени и пространства, своей телесности, а также их оценку меры законности в принимающем государстве. В рамках избранного подхода я ставлю следующие вопросы. Как повседневность мигрантов структурируется создаваемой законодательством недокументированностью? Каким образом государство присутствует в повседневности мигрантов? Какова эмоциональная цена недокументированности и связанные с ней чувства мигрантов? Как соотносятся недокументированность и телесность? Какие издержки для мигранта имеет легализация? Какие следствия для правосознания и жизни мигрантов имеет осознаваемая ими коррумпированность российского государства?

Отвечая на эти вопросы, я обращаюсь среди прочего к понятию «невидимости» недокументированных мигрантов, с которым работали такие исследователи, как Франсиско Виллегас, Стефан Кон, Лео Чавез и др. [Chavez 1992; Villegas 2010; Köhn 2016]. С одной стороны, невидимость недокументированных мигрантов носит насильственный, навязанный характер и представляет собой часть социального процесса иллегализации, или конструирования «нелегальности» [Chavez 1992; De Genova 2005: 4, 227]. С другой — невидимость (или, наоборот, видимость) недокументированных мигрантов может быть стратегической, и тогда она понимается как метод, к которому мигранты прибегают, чтобы не стать жертвами подавляющих сил, под действие которых они попадают вследствие сконструированной и навязанной им нелегальности [Villegas 2010: 161; Bjørneseth 2017].

Повседневность недокументированных мигрантов, обусловленная их правовым статусом, проливает свет на скрытые аспекты функционирования государства и права в сфере повседневных практик [De Genova 2002: 440]. Я рассматриваю недокументированность как факт отсутствия разрешающих пребывание в принимающем государстве документов, а депортируемость — как возникающий вследствие недокументированности феномен,

когда постоянная угроза потенциальной депортации рождает особые социальные действия, практики и эффекты. Как об этом пишет Д. Бозм, сомнения и чувство небезопасности своего положения, которые описывают недокументированные мигранты, живущие в страхе депортации, высвечивают присутствие государства в жизни каждого из них. Рассказы и опыт мигрантов дают особое и показательное видение политик государства и работы государственных агентов. Многие из них неочевидны, и фокус на повседневной жизни недокументированных мигрантов делает действия государства хотя бы частично видимыми. Этнографическое исследование повседневности недокументированных мигрантов демонстрирует потенциал государственной власти в повседневной жизни людей [Boehm 2009: 347].

Николас Дженова, рассуждая о правовом конструировании «нелегальности» мигрантов, пишет, что происхождение статуса «нелегала» и сопровождающей этот статус угрозы депортации (*deportability*) необходимо искать в самом законе. Вслед за Дженова я понимаю «нелегальность» как юридический статус, который подразумевает определенные социальные взаимоотношения с государством. Согласно Дженова, «нелегальность» конструируется при помощи миграционных законов, иными словами, она является функцией закона. В рамках такого подхода предмет исследования, посвященного недокументированным мигрантам, сфокусирован на конструирующем нелегальность правовом процессе. Я останавливаюсь на тех следствиях, которые этот процесс имеет для повседневности трудовых мигрантов. При рассмотрении «нелегальности» как социополитического состояния происходит ее деэссенциализация, что позволяет видеть в ней этнографический объект и сосредоточить критический взгляд на создаваемых иммиграционными законами режимах.

Как пишет Дженова, с все более широким распространением и интенсификацией передвижения населения в последнее время нам было явлено разнообразие определяющихся конкретными социальными и историческими параметрами миграций и соответствующее им многообразие портретов мигрантских «нелегальностей». Эта статья ставит своей целью дать портретный очерк «нелегальности», сформированной в результате попадания трудовой миграции из Грузии под действие миграционных и других государственных законов России. В частности, я рассматриваю, как нормы российского миграционного режима структурируют опыт грузинских недокументированных трудовых мигрантов. Под миграционным режимом я понимаю не только набор правовых норм, но и разнообразные практики, которые конструируют «нелегальность» граждан Грузии, приехавших работать в Россию [De Genova 2002: 420–426].

Представленный выше подход к «нелегальности» мигрантов определяет выбор терминологии, описывающей их правовое положение. В академических текстах, посвященных миграции, выбор терминов, определяющих мигрантов как «нелегальных» или «недокументированных», не случаен, хотя достаточно часто можно встретить примеры использования этой терминологии без определения и каких бы то ни было комментариев. Последнее, видимо, подразумевает восприятие этих терминов как устоявшихся или чисто технических [Plascencia 2009: 377]. Как указывает Пласенсия, термин «недокументированность» применительно к мигрантам появился как противопоставление понятию «нелегальность» в качестве нейтральной или даже позитивной его альтернативы [Ibid.: 378].

Здесь я буду придерживаться терминологии и способов ее представления, предлагаемых Дженова: «Термин “недокументированный” будет последовательно использоваться вместо категории “нелегальный” и других содержащих меньше осуждения, но не менее проблематичных его заместителей, таких как “внезаконный”, “несанкционированный”, “нерегулярный” или “скрытый” <...>. В тексте я использую кавычки, чтобы избежать репрезентации этого противопоставления как чего-то соответствующего объективной реальности» [De Genova 2002: 420]. Пласенсия в своих терминологических поисках идет дальше, считая, что выбор между двумя терминами определяется преимущественно политически, при этом оба термина поддерживают восприятие мигранта как принципиально ответственного за свой «нелегальный» или «недокументированный» статус. По его мнению, такой взгляд затеняет центральную роль государств (отправляющего и принимающего) в установлении правил и практик, которые определяют миграционное движение [Plascencia 2009: 407]. Действительно, термин «недокументированный» не акцентирует внимание на государстве как на основном акторе, определяющем положение мигранта. Однако, на мой взгляд, он и не обозначает мигранта как сознательно выбравшего опцию нарушения закона, а именно правил въезда в страну и пребывания там граждан других государств. В обоих отношениях он скорее нейтрален и не содержит указаний на причины описываемого им состояния, поэтому я не вижу препятствий к его использованию.

Эта статья — результат полевого исследования по коллективному проекту РНФ «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», посвященному миграциям из бывших советских республик в российские города. Она выполнена в рамках исследования грузинской миграции, которое было сосредоточено преимущественно на грузинском «этническом» бизнесе в российских городах, а именно грузинском общепите — кафе и точках-пекарнях.

Во время проведения исследования кафе и рестораны были наиболее «живой» нишей, где можно было встретить трудовых мигрантов из Грузии. Вследствие экономического кризиса в России сфера строительства и отделочных работ, где также были заняты многие грузинские мигранты, стала привлекать все меньше новых работников из Грузии. Грузинский ресторанный бизнес же, наоборот, динамично развивался, в этой сфере было занято множество новоприбывших мигрантов, опыт выстраивания повседневности которых представляет особый интерес. В качестве исследовательской локации был избран один из крупных нестоличных городов России. Помимо очевидного факта, что именно в крупных городах можно встретить наибольшую концентрацию грузинских кафе и ресторанов, выбор такой локации был удобен тем, что это исследование становилось соотносимо с другими, выполнявшимися в рамках того же коллективного проекта, и создавал перспективу его помещения в более широкий контекст, поскольку изучение недокументированных трудовых мигрантов, как и миграции в целом, демонстрирует очевидный перекосяк в пользу крупных городов.

Простое наблюдение показывает, что число грузинских кафе в крупных городах России в последние годы неуклонно росло. Это связано как с относительным потеплением российско-грузинских отношений и упрощением визового режима с Грузией, так и с последовавшим за политической разрядкой резким и стремительным развитием массового туризма из России в Грузию [Ахметели 2015; Отношение к странам Б.д.]. Первое снизило возможные страхи, связанные с трудовой миграцией в Россию, и обусловило появление санкционированного государством способа въезда в страну, второе способствовало росту спроса на грузинскую кухню, и прежде любимую россиянами.

Статья обобщает результаты полевого исследования, проведенного мною среди новых трудовых мигрантов из Грузии в 2017–2018 гг. Большая часть полевых материалов относится к крупному сетевому бизнес-проекту, меньшая — к микропредприятиям. Выборка определялась методом снежного кома, когда два имевшихся до начала исследования знакомства (одно — с сотрудником сети кафе и ресторанов, другое — с владельцем мини-пекарен) по цепочке предоставили мне доступ к большинству других контактов. В основном я опираюсь на материалы, собранные у сотрудников известной сети грузинских кафе (для краткости буду обозначать ее просто словом «сеть»), представленной в городе десятками объектов, работающих в том числе в торговых моллах. Это единственная сеть в городе с таким большим числом объектов, пожалуй, единственная узнаваемая как сеть и действительно очень популярная среди горожан. Сеть быстро развивается, ее кафе и рестораны появляются



все в новых районах города. По оценкам моих собеседников, большинство сотрудников сети приехали в Россию в последние пять-шесть лет. Все мои собеседники в России, за исключением эксперта, — мигранты последней волны. Среди микропредприятий, с сотрудниками и владельцами которых я работала, две грузинских мини-пекарни в южном пригороде, принадлежащие двум совладельцам, а также кафе смешанной азиатско-грузинской кухни. Респонденты из этой группы — тоже недавно прибывшие мигранты. Общение с сотрудниками кафе и мини-пекарен, не принадлежащих сети, дало мне основания для генерализации моих выводов и позволило распространить их на общий пул трудовых мигрантов, работающих в грузинском общепите в выбранном для исследования мегаполисе. Однако к сетевому кейсу относится больше приводимого в статье материала, что объясняется его большим разнообразием, связанным с более сложным устройством сети как организации.

Полевая работа велась как с трудовыми мигрантами в России, так и с членами их семей в Грузии. Проведение параллельных интервью в России и Грузии было условием коллективного проекта и давало лучшее представление о жизни мигрантов в отправляющем государстве, обуславливающей их восприятие своей повседневности в России. Всего было проведено 6 интервью в России и 7 интервью в Грузии. Однако основным источником сведений стали так называемые этнографические интервью, когда исследователь получает ответы на свои вопросы в ходе неформальных бесед, часто с несколькими участниками. Важные данные были получены путем включенного наблюдения за работой и общением сотрудников в грузинских кафе. С одним респондентом в Грузии и одним в России взаимодействие длилось на протяжении всего проекта. Общение с постоянным собеседником в России было высокоинтенсивным: беседы происходили еженедельно и благодаря сложившимся дружеским отношениям были доверительными, что позволило получить достаточно глубокое представление о повседневности людей, которым посвящено исследование, а также, в силу лонгитюдности взаимодействия (в течение двух лет), о динамике этой повседневности.

Описанный дизайн исследования объясняется сложностью доступа к полю. Она вызвана недокументированностью респондентов, которая затрудняла установление новых контактов и обсуждение некоторых тем, если доверие собеседников не было обеспечено надежным посредничеством. Все интервью, за исключением одного, проводились на грузинском языке. Среди моих собеседников в России преобладали мужчины, в Грузии распределение мужчин и женщин было приблизительно равным. Возраст респондентов составлял от 30 до 49 лет. Часть

бесед была записаны на диктофон, но большинство фиксировалось по памяти сразу после разговора.

### Краткая характеристика трудовой миграции из Грузии

В постсоветскую эпоху трудовые мигранты из Грузии активно осваивали новые направления миграции, среди которых лидирует Греция — на 2017 г. там фиксировалось 80 тыс. мигрантов из Грузии; 30 тыс. мигрантов — в США, по 20 тыс. — в Германии и на Кипре, по 10 тыс. — в Италии, Израиле, Испании и Турции [Hofmann 2015: 816; Origins and Destinations 2018].

Однако наибольшее число выходцев из Грузии все же регистрируется в бывших республиках СССР, куда они отправлялись еще в советское время: России — 450 тыс., Украине — 70 тыс., Беларуси — до 10 тыс. Представленные цифры — данные американского исследовательского центра Пью [Origins and Destinations 2018]. Это кумулятивные цифры, отражающие общее количество выходцев из Грузии, живущих в той или иной стране. Очевидно, что большое число таковых в России в значительной мере отражает количество мигрантов советского периода и первой половины постсоветской эпохи — до ухудшения отношений и введения визового режима между двумя странами. Что же касается ежегодного потока мигрантов, то в 2017 г. в Россию отправились 55,6 тыс. грузин, из них более 30 тыс. не вернулись обратно, т.е. их можно считать официально зафиксированными мигрантами [Большинство грузин 2018].

Интересен общий портрет грузинской миграции в Россию с учетом ее разных волн. Можно говорить как минимум о трех крупных постсоветских волнах миграции из Грузии: экономических мигрантах 1990-х и ранних 2000-х гг., беженцах из Абхазии и мигрантах последних лет, приехавших с 2006 по 2019 г. (где 2006 — год российско-грузинского «шпионского скандала»<sup>1</sup>, который можно считать «точкой невозврата» в российско-грузинских отношениях, см.: [Tchaidze, Torosyan 2010: 8]).

Заметное присутствие мигрантов последней волны может показаться парадоксальным. Учитывая экономический кризис

---

<sup>1</sup> «Шпионский скандал» — обострение отношений между Россией и Грузией в сентябре-октябре 2006 г. в результате задержания грузинскими спецслужбами российских военнослужащих по подозрению в шпионаже, приведшее к ответным санкциям со стороны России. Россия советовала своим гражданам не посещать Грузию, прекратила выдавать визы ее гражданам, прервала с ней воздушное, наземное, морское и почтовое сообщение, наложила ограничения на банковские трансферты, что прямо ударило по тысячам граждан Грузии, работающим в России. Грузинские предприниматели оказались под прицелом чрезвычайных полицейских, налоговых и других инспекций, что повлекло за собой закрытие многих бизнесов, принадлежавших гражданам Грузии [Savvidis 2009: 51].

в России, напряженные политические отношения между двумя государствами, трудности с легализацией и более низкие заработки у мигрантов в РФ, чем у тех, кто выбирает новые «постсоветские» направления миграции, можно было бы предположить, что новейшей волны трудовой миграции из Грузии не будет. Однако, как оказалось, русский язык, наличие и развитие старых связей все еще делают Россию привлекательным миграционным направлением для граждан Грузии.

Петре Мамрадзе, бывший член парламента Грузии, рассуждая о трудовой миграции в Россию, также комментирует парадоксальность выбора миграционных направлений гражданами Грузии:

*Я со многими общался и знаю, что они едут к знакомым, друзьям. Россия большая, и по ней можно свободно передвигаться в поисках работы и всегда ее находить. Это страна, языком которой, по крайней мере старшее поколение, старше 35–40 лет, достаточно хорошо владеет. Эти факторы, конечно, способствуют сложившемуся курьезу: официально мы идем в НАТО, в Евросоюз, а общенародный вектор показывает, что население стремится всяческими способами переехать в Россию [по моим наблюдениям, намерение переехать в Россию на постоянное место жительства как изначальная миграционная стратегия нехарактерно для граждан Грузии с грузинской идентичностью. — Е.З.]. Зачастую у бывшего российского посольства, которое работает под эгидой посольства Швейцарии, выстраиваются такие очереди, что перекрывают движение на улице [Граждане Грузии 2015].*

Нужно подчеркнуть особенность правовых условий, в которых находятся в России трудовые мигранты из Грузии по сравнению с мигрантами из других постсоветских республик (Украины, Беларуси, Центральной Азии, Азербайджана и Армении). Значительная часть мигрантов из Грузии находятся в России без санкционирующих их пребывания документов. В отличие от США и Европейского союза, в российских условиях недокументированность обычно подразумевает административное нарушение — превышение сроков пребывания в стране [Reeves 2015: 122]. Однако в случае новых мигрантов из Грузии «нелегальность» чаще всего становится следствием недокументированного въезда в страну. По информации заместителя главы ФМС на 2006 г., когда началась массовая депортация граждан Грузии после «шпионского скандала», на территории России находилось 10–11 млн «нелегальных» мигрантов. Среди них до одного миллиона составляли недокументированные мигранты из Грузии, и только около 1 % граждан Грузии находилось на территории России «легально» [Грузия принимает 2006]. Сумма

денежных переводов, совершенных гражданами Грузии на родину из Российской Федерации, на тот момент составляла 20 % от ВВП Грузии [Антигрузинская кампания Б.д.]. С 2000 г. гражданам Грузии для въезда в Россию нужна была виза, для оформления которой требовалось приглашение от ближайшего родственника. В результате документированный (визовый) въезд в Россию воспринимался как фактически невозможный еще до обострения отношений между Россией и Грузией в 2006 г. Живущая в Тбилиси женщина, чей муж с 2001 г. работает в России, рассказывает: «С визами стало сложно еще до конфликта, я, например, не могла поехать в [российский крупный город, где проводилось исследование], это сразу было проблематично» [ПМА 2017]. В 2012 г. глава ФМС сообщил о 9 тыс. граждан Грузии, превысивших 90-суточный лимит пребывания в России [Более 9 тыс. 2012]. Недокументированность мигрантов из Грузии была обусловлена фактической невозможностью получения российской визы для граждан Грузии, не имеющих здесь близких родственников.

Условия визового режима с Россией были упрощены только в 2015 г., с этого времени любой гражданин Грузии может получить частную, деловую, гуманитарную, рабочую визу разной кратности на основании приглашения, не обремененного требованиями о родстве. Тем не менее, как показали полевые данные, в 2016–2017 гг. многие грузинские мигранты въехали в Россию без визы: «Все, кто приехал недавно, все тоже без документов. Только последние месяцы стали делать визы» [ПМА 2017]. Таким образом, вплоть до 2018–2019 гг. значительная часть трудовых мигрантов из Грузии находилась на территории РФ без каких-либо разрешающих их пребывание документов. С 2015 г. в их число входили и те, кто превысил отведенный российской визой трехмесячный срок нахождения в стране и также подлежал депортации.

Как выяснилось в процессе полевой работы, большинство недокументированных грузинских мигрантов прибыли в Россию через Беларусь, с которой у Грузии безвизовый режим. Мигранты летели в Минск, а оттуда добирались до места назначения с «перевозчиками» — на специальных такси, с водителями которых была предварительная договоренность. Для пересечения границы с РФ использовались коррупционные схемы. Соответственно как въезд, так и выезд из России был связан с крупными расходами (дорога и пересечение границы в одну сторону обходились около 80 тыс. руб.). Осенью 2018 г. этот давно существовавший способ передвижения трудовых мигрантов между Грузией и Россией оказался затруднен, в связи с чем недокументированные мигранты оказались «запертыми» на территории РФ: если раньше в аэропорту Минска возвращающихся

из России пропускали, обложив невысоким штрафом за превышение трехмесячного срока пребывания в Беларуси, или даже без оплаты, то осенью 2018 г. штраф сильно увеличился. К тому же мигранты опасались, что вместо штрафа их могут просто депортировать. Они трактовали изменение ситуации так: «Беларусы, конечно, знают, что люди не в Беларуси в таких количествах задерживаются, а едут в Европу, а больше в Россию. Они решили, видимо, делать депорты, чтобы очистить от мигрантов, человек после депорта уже не вернется» [ПМА 2018]. Как отмечает Дженова, депортируемость становится решающим фактором в правовом конструировании «нелегальности» мигрантов, поскольку при этом депортируют немногих, для того чтобы большинство могло оставаться в стране и работать [De Genova 2002: 439].

### Вызовы недокументированности

По полевым данным, все сотрудники сети, приехавшие в город, где проводилось исследование, в 2016–2017 гг., пересекли границу с Россией и находились в стране без разрешающих их пребывание документов. При этом обычно они не знали о возможности и способах оформления российской визы. Сотрудники мини-пекарен, где я работала, въехали по визе, оформленной для них работодателем, у работников кафе грузино-азиатской кухни не было разрешающих пребывание в РФ документов.

Квалифицированные работники — повара и пекари, знающие грузинскую кухню, — в дефиците. Как сеть, так и микропредприятия, с сотрудниками которых я работала, приглашают специалистов из Грузии. Тем не менее в сети работает большое число людей, изначально не имевших квалификации. Владельцы грузинских кафе и пекарен ищут сотрудников в Грузии по своим социальным каналам. Так, один из работающих в мини-пекарне — одноклассник ее владельца. Среди сотрудников сети заметную группу составляют выходцы из того же района Западной Грузии, что и ее владелец.

На низшие неквалифицированные позиции нанимают мигрантов из Центральной Азии (я сталкивалась только с приехавшими из Узбекистана). Говоря об узбекской сотруднице, владелец пекарни объяснил мне, что «грузинки стоят дорого», имея в виду заботу о земляках: расходы и хлопоты по оформлению их документов, взятки проверяющим органам. Все больше выходцев из Центральной Азии осваивают грузинскую кухню, работают в грузинских кафе и ресторанах поварами и пекарями.

Сравнение условий найма недокументированных мигрантов в разных грузинских кафе показывает, что они почти идентичны.

Рабочий день превышает 8-часовую норму и часто продолжается более 12 часов: с 9 утра до 10 вечера. Зарплата хорошего пекаря или повара составляет около 2000 руб. в день, ее размер зависит от выручки кафе. Многие мигранты в грузинских кафе работают без выходных или с одним выходным, причем часто его дают произвольно. Так, один из мигрантов рассказывал, что за первые 7 месяцев работы в России у него был всего один выходной. Эта ситуация связана с тем, что организовать работу сменщиков бывает сложно. Например, для того чтобы дать выходные одним сотрудникам сети, других ставят «на круг» — они работают каждый день в разных кафе, часто в удаленных районах города, что делает их и без того долгий и напряженный рабочий день еще труднее. Выходные и пропущенные по болезни дни не оплачиваются (на вопрос об этом один из моих собеседников воскликнул: «Какая оплата! Лишь бы дали [выходной]!» [ПМА 2017]).

Специально приглашенные из Грузии работники (многие из них не бывали до этого в России и плохо владеют русским языком) получают гарантию постоянного заработка и жилья. Работодатель снимает своим сотрудникам квартиру на несколько человек поблизости от места работы. Аренду жилья квартиросъемщики оплачивают самостоятельно, либо ее стоимость автоматически вычитается из их зарплаты. Например, в сети кафе существует практика, когда при зарплате сотрудника менее 800 долларов в месяц квартиру оплачивает работодатель, при большем ежемесячном заработке — сам сотрудник (место в комнате стоит около 6000 руб.). При корпоративной аренде мигранты часто живут по два-три человека в комнате.

Работодатель может коррумпировать местного участкового с тем, чтобы тот не интересовался недокументированными жителями квартиры в его районе. Аренда для таких жильцов также оказывается дороже среднерыночной. Грузинские мигранты говорят, что грузинам арендодатели почему-то не доверяют, боятся их и предпочитают сдавать жилье выходцам из Центральной Азии.

Приезд и приглашение на работу в России членов семей мигрантов и они сами, и их работодателями связывают с наличием документов: «И мне сказали: “Как только у тебя будут документы, привози жену, мы ей дадим работу в том же кафе с тобой”» [ПМА 2017]. В целом отсутствие документов у трудового мигранта в России становится серьезным препятствием для приезда к нему близких родственников, как для работы, так и с любыми другими целями. Так, живущий в Грузии молодой человек, чья мать работает в России без документов, говорит:

*Знаешь, я, конечно, собираюсь, и обязательно туда [в Россию] поеду, конечно, у меня там члены семьи. Но я не хочу, знаешь,*

*как, упрямо решить ехать, и чтобы потом со мной что-то произошло. То есть если я поеду, то поеду с документами. Сейчас мой двоюродный брат получил гражданство, он в Воронеже. То есть мне сейчас поехать без документов, и из-за меня чтобы им [матери и живущей вместе с ней в России сестре] добавились лишние проблемы, деньги там им еще [кому-то] давать. Если я поеду, я не хочу сесть им на шею, я хочу облегчить им то, что они делают [ПМА 2017].*

Владельцы сети тщательно продумывают соотношение документированных и недокументированных сотрудников в каждом из своих кафе. Они стараются соблюсти баланс между этими категориями и в наиболее «незащищенных» кафе ставят преимущественно или исключительно работников с документами.

В определенный момент, видимо по причине участвовавших проверок ФМС, работодатели начали удерживать половину зарплаты своих сотрудников, чтобы сформировать депозит, за счет которого в случае проверки и депортации пострадавшему смогут купить билет домой. Эта практика была введена после того, как владельцам сети пришлось экстренно оплачивать отъезд на родину своих работников без возможности вернуть потраченные на это деньги.

Первоначально, пока сеть была небольшой, недокументированные сотрудники, видимо, не представляли для работодателей большой проблемы. По мере развития и роста сети с этой ситуацией стало трудно справляться, и вместе с тем появилась возможность оформления виз. В последние шесть-восемь месяцев многие новые сотрудники, приезжающие работать в этой сети, имеют хотя бы краткосрочные визы.

Описанные выше условия труда недокументированных мигрантов из Грузии на предприятиях грузинского общепита демонстрируют как универсальные черты, так и характерные для precarious занятости: мигранты устроены неформально, работают около 70 часов в неделю без выходных при норме 40 часов по Трудовому кодексу, оплата их труда ниже установленной, ценность профессиональных навыков невысока, гарантии по оплате низки [Кондаков 2016: 73–74]. Как пишет Гай Стэндинг, у недокументированных мигрантов «нет иного выбора, кроме как пополнить ряды прекариата» [Стэндинг 2014: 169].

Случаев депортации немного, однако они являются частью ближайшего опыта грузинских мигрантов. Ситуация аналогична той, которую описывает Дебора Бозм: хотя вероятность попадания в сравнительно небольшое число депортированных невелика, факты «депортов» актуализируются в сообществах

мигрантов, каждый из них сталкивался с депортацией знакомых, сослуживцев, родственников и т.д. [Boehm 2009: 357].

Депортация — то, к чему трудно относиться легкомысленно или фаталистично, это опыт столкновения с государством в самом жестком и неумолимом его проявлении. Нарративы о депортации — это рассказы о событии, вселяющем страх в силу неопределенности, которую оно заключает от начала до конца процедуры, невозможности предсказать, как именно и с какими издержками это произойдет. Это ситуация, когда мигрант разом теряет свою так долго оберегавшуюся невидимость. Женщина, работавшая вместе сестрой и матерью в России на рынке, депортированная пять лет назад и живущая под Кутаиси, рассказывает об этом событии в своей жизни так:

**Собеседник:** *Когда меня задержали, задержала «иммиграционная», отвели в отделение, я, конечно, испугалась, начала плакать. Тогда там [в России] была только моя сестра и мать, дочери тоже не было, это история пятилетней давности, и вот я плакала, у меня сын болеет, проблемы. «Что плачешь? — говорит. — Не убивают же». Потом судья. Моя мать кого-то побеспокоила там, сям. И меня выпустили, взяли отпечатки пальцев — не было ли на мне каких-нибудь преступлений — и выпустили. И такой человек там посредничал, что я уже не могла... [не вернуться], я обязательно должна была туда явиться. Мне сказали принести паспорт. И потом сказали: «Ты уезжай, этой же ночью отправляйся в Минск и уезжай». Такой человек был, они мне паспорт отдали, все удивлялись: «Как тебе паспорт отдали?» Я же могла вдруг уйти. Но я не смогла уже так поступить с той женщиной. Это там была большая женщина...*

**Исследователь:** *Грузинка?*

**Соб.:** *Нет, русская <...>. И она им сказала: «Я такая-то и такая-то, не задерживайте ее, отпустите». И когда эта женщина вмешалась и меня отпустили, они мне сказали: «Ты откуда знаешь, что завтра решит “суд” [использует русское слово], когда ты туда явишься?» Я испугалась, меня все стали пугать, и я правда испугалась. Я пришла потом, сказала: «Что будет, то будет» [по-русски]. И когда я пришла, меня завели к «начальнику» [по-русски], там были женщина и мужчина, со мной туда зашла русская женщина, моя мать не смогла пойти, потому что у нее не было никаких документов. И когда меня туда завели, я начала рассказывать свои приключения. Неправды никакой не говорила. Сказала, что у меня заболел ребенок, было решено делать операцию, мы просто планировали, из-за суммы не могли ему сделать операцию, операцию на сердце. И когда я рассказала свою ситуацию, что так и так, что я потому сюда приехала, чтобы что-то заработать и заняться*



*ребенком, и они оба смотрели на меня и начали плакать, «начальник» [по-русски] и она! Слезы вот так на глаза наворачивались! Один мне сказал: «Вот, это ваш Саакашвили!» [по-русски] Штраф 2000 рублей официальный не оформить было нельзя, но кто уж там [будет переживать о таких мелочах]. И мне дали срок оставаться две недели, и я должна была уехать [ПМА 2017].*

Самыми опасными считаются проверки Федеральной миграционной службы в кафе. Если полиция останавливает мигранта без документов на улице, у него обычно просто забирают все имеющиеся с собой деньги. Депортировать и лишать его паспорта не будут: «На улице обычно просто возьмут все, что у тебя есть в карманах, и отпустят, а в кафе приходит уже ФМС, и они могут депортировать» [ПМА 2017]. Зато известны случаи, когда при проверке кафе представители ФМС депортировали работников без надлежащих документов. Такая проверка — событие, резко нарушающее работу кафе: мой собеседник рассказывал, как однажды начальник попросил его на время проверки переодеться и выйти из кафе — несколько часов ему пришлось просто гулять на улице. Для недокументированных мигрантов ФМС — самый жесткий и неумолимый агент государства, с которым они сталкиваются.

Однако постановление о депортации необязательно означает, что человек покинет страну. После решения суда миграционные службы не отслеживают судьбу депортированных. Некоторые из них остаются в России и продолжают работу, иногда даже на прежнем месте, еще более остро переживая свою недокументированность.

Время для недокументированных мигрантов маркировано с точки зрения его опасности / безопасности, которые представляют проверки полиции и ФМС. В смысле полицейских проверок наиболее опасными считаются выходные дни. «Тогда легавые выходят на охоту всех проверять. Это уже давно все заметили, что по выходным они активнее» [ПМА 2018]. С особой тревогой мигранты ждали Чемпионата мира по футболу 2018 г., предвидя усиление контроля со стороны правоохранительных органов (прошел слух, что к ЧМ город «должен быть очищен от мигрантов»).

Недокументированные мигранты не пользуются метрополитеном и стараются не появляться поблизости от станций метро, поскольку там ведется полицейский контроль. Утром и днем они могут передвигаться на наземном общественном транспорте, но поздно вечером, закончив рабочий день, возвращаются домой на такси. Это самый безопасный способ передвижения по городу для недокументированных мигрантов, т.к.,

доставляя от порога до порога, такси позволяет минимизировать их видимость в публичном пространстве.

В случае трудовых мигрантов из Грузии недокументированность оказывается сопряжена с телесностью. Мигранты понимают, что полицейский патруль скорее остановит на улице для проверки людей «кавказской» внешности, что свойства телесности делают их более видимыми в публичном пространстве. Один из моих собеседников, внешность которого не воспринимается как «типично кавказская», говорит, что боится ходить по улице со своими грузинскими коллегами и приятелями, потому что они «черные» и в компании с ними его скорее остановят. Это подтверждает тезис Франсиско Виллегаса о том, что конструирование «нелегальности» нуждается в дискурсе о расе. Определенные тела вызывают вопросы и подозрение относительно их (правового) статуса, а другие нет, поскольку они нормализованы в рамках национального стереотипа о гражданстве. Эти стереотипы имеют дальнейшие следствия, поскольку люди, маркируемые как подозрительные, могут также быть включены в параллельные дискурсы, например о криминальности [Villegas 2010: 150]. В России мигранты с «кавказской» внешностью последовательно фигурируют в дискурсах о преступлениях.

Мигранты рассказывают, что сотрудники правоохранительных органов способны считывать специфические техники тела, выдающие недокументированность: «[О]пытный полицейский видит по походке, по манере, сразу вычисляет человека, видит, у кого документов нет» [ПМА 2017]. Мигранты предполагают, что отличающуюся телесность можно было бы сделать менее видимой путем мимикрии через изменение нетелесных атрибутов облика. Один из моих собеседников обсуждал со мной возможность что-то изменить в его одежде, что позволило бы ему меньше бросаться в глаза полицейским на улице [ПМА 2017].

С телесностью мигрантов связан оригинальный способ обеспечения частичной «легализации»: грузинские мигранты оформляют фальшивые армянские паспорта<sup>1</sup>. Это дает им возможность свободно передвигаться по городу, не тратя деньги на взятки полицейским, однако оказывается бесполезно, если дело доходит до задержания, поскольку в полицейском участке статус поддельного паспорта может быть без труда установлен. В этой практике фактор телесности проявляет себя парадоксальным образом: с одной стороны, именно из-за своей выделяющейся внешности грузинские мигранты подвергаются уличным проверкам, с другой — она же позволяет рассчитывать

---

<sup>1</sup> Между Россией и Арменией с 2000 г. действует взаимный безвизовый режим.

на успех при пользовании фальшивым документом, приписывающим им иное гражданство.

Один из моих собеседников рассказывал, что никогда не берет с собой паспорт, потому что без паспорта при уличных проверках может говорить полицейским, что он гражданин Беларуси. Таким образом, приписывание себе иного гражданства — один из способов, к которому прибегают грузинские недокументированные мигранты, чтобы избежать задержания при уличных проверках. Телесность мигрантов становится одним из важных факторов, который препятствует достижению желаемой ими невидимости в публичном пространстве, однако та же телесность в отдельных случаях может использоваться стратегически для ее сохранения. Техники невидимости также касаются выбора языка в публичном пространстве. В транспорте и других общественных местах мигранты могут избегать разговоров на грузинском, чтобы не привлекать внимание.

У грузинских мигрантов есть практики взаимопомощи, обусловленные их недокументированным положением. Например, живущие вместе люди беспокоятся, если их сосед задерживается, предупреждают друг друга, что по пути домой видели полицию, и т.д.

Мигранты стремятся снять жилье в непосредственной близости от места работы, чтобы минимизировать передвижение по городу. В отсутствие документов самостоятельная (без посредничества и защиты работодателя) аренда жилья становится проблематичной. Скрыть свой правовой статус невозможно, и мигранты рассказывают о случаях, когда соседи доносили на недокументированных жильцов правоохранительным органам:

*Чтобы снимать квартиру, нужно показать паспорт, все уже будут знать, что я без документов. По паспорту ведь видно, что я доехал до Беларуси, и больше никаких отметок нет. Есть люди, которые любят совать нос в чужие дела, вдруг что <...>. Мне рассказывали, как соседи просто говорили: «Вот его проверьте», — даже заявление писать необязательно [ПИМА 2017].*

Уязвимость недокументированных мигрантов, становясь очевидной, может оказаться удобным инструментом давления со стороны заинтересованных лиц. Одно из кафе сети, расположенное на первом этаже жилого дома, стало предметом недовольства его жильцов. Соседи сообщили в полицию, что в заведении работают нелегальные мигранты. Как оказалось, все жалобы писала одна семья, причем на владельцев не только грузинского кафе, но и (по разным поводам) в отношении других заведений, также находившихся на первом этаже этого дома.

Как утверждают мои респонденты, жалобщики шантажировали их владельцев с целью вымогательства денег [ПМА 2018]. Грузинское кафе держало оборону в течение долгого времени, но в итоге было вынуждено закрыться.

Тем не менее мигранты стремятся налаживать добрососедские отношения с горожанами, с которыми им приходится сталкиваться по месту работы или жительства, понимая, что их недокументированность не является или чаще не является социальной стигмой.

Из-за рисков, связанных с передвижением, мигранты плохо знают город. Так, один из моих собеседников, живущий в городе почти два года, никогда не был на центральном проспекте, не видел знаковых достопримечательностей.

### Стратегии легализации

Если обеспокоенность своим правовым положением большинства мигрантов из других бывших советских республик касается сохранения «легального» статуса, то подпадающие под угрозу депортации выходцы из Грузии озабочены в первую очередь тем, как его обрести. С течением времени мигранты, планирующие остаться в России на долгое время, начинают искать пути легализовать свое пребывание в стране. Здесь и далее под легализацией я понимаю получение мигрантами тех или иных документов, дающих или имитирующих право находиться на территории РФ.

Информация о путях получения «легального» правового статуса в России, которая достигает вновь прибывших мигрантов, противоречива и исходит не из первоисточников. Новые мигранты часто недостаточно владеют русским языком и не могут разобраться во всех тонкостях российских бюрократических процедур: «Узнать бы только, как делается эта рабочая виза. Сколько ни спрашивал, все говорят разное. А посмотреть бы, какие официально правила у ФМС. Мне нужно понять, как и какие документы я должен сделать, чтобы находиться в России легально» [ПМА 2017]. Знание, на которое они опираются, преимущественно прецедентно, это опыт знакомых, коллег и родственников, которые успешно или безуспешно испробовали тот или иной путь легализации: «Сейчас один парень делает фиктивный брак, он в самом начале процедуры, я смогу наблюдать все этапы, как это происходит» [ПМА 2017]. Мигранты на чужом опыте стараются проследить, не обманет ли посредник, оказывающий за плату ту или иную связанную с оформлением документов услугу, добьется ли их коллега желаемого результата. Неопределенностью и отсутствием ясности по поводу

правовых возможностей отмечен и сам въезд в Россию. Мой собеседник на вопрос, почему он не оформил визу, отправляясь в Россию, когда уже существовала такая возможность, ответил: «Когда я ехал в Россию, я ничего не знал. Как мне сказали [имеется в виду приглашающий работодатель], так я и сделал» [ПМА 2018]. Для мигрантов из Грузии сама возможность поездки в Россию, учитывая напряженные отношения между государствами в последние годы и сложную визовую ситуацию, представляется если не исключенной, то сопряженной с большими трудностями и, вероятнее всего, с нарушением закона. Получая приглашение на работу, они полностью доверяются приглашающей стороне, принимая те условия въезда, которые она предлагает.

Неформальные услуги, связанные с оформлением российского гражданства, стоят около 300 тыс. руб., не считая дополнительных расходов, которые влечет за собой необходимость выездов и въездов из страны и в страну. Один из моих собеседников, мечтающий о начале собственного бизнеса в России, рассматривал возможность покупки российского гражданства, однако это откладывало создание своего дела на неопределенный срок: «Самая большая проблема — сумма, которая нужна, чтобы купить гражданство. Если я буду платить, то понадобится очень много времени, прежде чем я соберу эти деньги, потом соберу еще сумму, которую нужно вложить в начало бизнеса» [ПМА 2017].

Самый распространенный среди мигрантов способ долгосрочной легализации (оформления вида на жительство с перспективой получения гражданства) — вступление в фиктивный брак. Другой путь легализации — розыгрыш квот на РВП (разрешение на временное проживание в России). Здесь тоже обращаются к коррупционным схемам: вместо реально выигравшего квоту обещают предоставить тому, кто заплатил посреднику, у которого есть коррупционная договоренность с чиновниками. Вокруг легализации недокументированных мигрантов выстроился целый рынок неформальных юридических и коррупционных услуг, которые, по словам моих собеседников, в силу быстрого развития спроса и роста числа альтернативных предложений стали даже дешевле.

В среде грузинских мигрантов можно было услышать разговоры о заявлении В.В. Путина, касавшегося предоставления российского гражданства соотечественникам по упрощенной схеме. Недостаток точной информации провоцирует распространение многочисленных версий, которые могут всерьез рассматриваться трудовыми мигрантами как один из легких и желанных потенциальных путей легализации.

Депортация необязательно становится непреодолимым препятствием для нового въезда в Россию. Распространенным выходом из положения для депортированных долгое время было получение паспорта на другую фамилию. Однако, как говорят мои собеседники, с получением возможности безвизового въезда на территорию шенгенской зоны для граждан Грузии и последовавшими за этим разрешением частыми нарушениями установленных сроков пребывания там, перемена фамилии и смена паспорта в Грузии стали проблематичными.

Владельцы кафе, работодатели трудовых мигрантов, до недавнего времени обещали им организационную помощь в случае задержания полицией. Они договаривались о коррупционных схемах, чего зачастую не могли сделать сами мигранты по причине плохого знания языка или отсутствия нужных знакомств в полиции. Несмотря на то что деньги, потраченные на освобождение, мигранты потом возвращали работодателю, эта помощь была для них ценна. С конца 2017 г. работодатели объявили своим сотрудникам, что больше не смогут вызволять их из полицейских участков и стали побуждать к оформлению виз. При этом если владелец грузинских мини-пекарен, приглашая сотрудников, сразу оформил им частные визы, а потом вычел потраченную сумму из их зарплат, то владельцы сети, приглашая на работу земляков, вплоть до последнего года предлагали им въезжать только через Беларусь. В 2018 г. владельцы сети стали приглашать новых работников на визовых основаниях и выборочно оказывать своим старым постоянным сотрудникам помощь по оформлению виз, в том числе рабочих.

В штате сети есть свои юристы, которые могут предложить пути решения тех или иных проблем с документами, в том числе неофициальные, однако это сильно удорожает и без того затратную процедуру получения виз. При этом консультаций по поводу самостоятельного оформления документов юристы не дают: «Есть женщина-юрист, которая оформляет документы, но это стоит намного дороже, чем если бы оформлять самому через инстанции. Конечно, она и не научит, как это делать» [ПМА 2017].

Мигранты постоянно переопределяют свои планы относительно легализации, теряя веру в одну стратегию и воодушевляясь другой: «Я еще все не уложил в голове, как лучше поступить — ехать ли в Минск и платить [штраф], чтобы потом въехать нормально с визой, или подождать» [ПМА 2017].

Большинство трудовых мигрантов оформляют не рабочие, а частные визы на три месяца (первые сложнее в оформлении и стоят дороже). Процесс оформления требует выезда из России и пребывания в Грузии до месяца. Трудовые мигранты не могут позволить себе такой перерыв в работе, поэтому пользуются

услугами посредников, которые гарантируют, что виза будет оформлена к определенному сроку. Однако не всегда посредники оказываются добросовестными, в результате оформление российской визы превращается не только в дорогостоящее, но и в осложненное фактором неопределенности дело:

*Только что звонили эти пекари, которые уехали в Тбилиси, оказывается, чтобы получить трехмесячную обычную [частную] визу. Они поехали чуть заранее, то есть еще не было информации, что виза готова, чтобы занять очередь в посольстве [Секции интересов России при посольстве Швейцарии в Грузии]. Они платили деньги женщине-юристу в [название сети], которая, понятно, делает на этом деньги. И вот они сейчас позвонили и сказали, что визы нет! [ПМА 2018]*

Получая частную визу, независимо от ее срока, мигранты обязаны несколько раз в год выезжать из страны на период в несколько недель. В результате они рискуют потерять свои рабочие места, которые гарантированно сохраняются только за самыми лучшими работниками высокой квалификации (таким образом, трудовая конкуренция возникает между самими мигрантами). Поэтому часть работников рассматривает возможность оформления рабочей визы: «Я посчитал, сколько я пропущу рабочих дней, пока буду ездить туда-сюда четыре раза в год, если буду делать трехмесячную обычную визу, сколько потрачу на билеты. К тому же мне придется все время беспокоить людей, которые должны будут заниматься моими документами. В итоге дешевле получается рабочая виза» [ПМА 2017]. Один из моих собеседников говорит об оформлении частной визы как о недальновидной тактике: «Они живут сегодняшним днем — им нужно сейчас не бояться, а потом будь что будет» [ПМА 2018]. Вместе с тем легализовавших свой статус пребывания в России работников могут поставить в сети «на круг», поскольку, в отличие от остальных, они передвигаются по городу безбоязненно. Таким образом, легализация пребывания в России может иметь и негативные последствия для мигранта.

Для трудового мигранта без документов доступны лишь относительно низкооплачиваемые варианты занятости. Расходы на легализацию — первые запланированные крупные траты трудового мигранта после въезда в Россию, из-за которых приходится откладывать реализацию тех целей, ради которых он и приехал. Большинство мигрантов мечтают о собственном деле, но без документов реализовать эту мечту могут только единицы. Вместе с тем относительно малые издержки при полицейских проверках на улице зачастую заставляют мигрантов ставить под сомнение целесообразность оформления виз и легализации. Для наглядности приведу фрагмент беседы.

**Исс.:** *Как хорошо было бы, если бы вы сразу сделали визу и въехали с визой!*

**Соб.:** *С одной стороны, да, но с другой — учитывая, что ничего не случилось, вроде и [так] неплохо. Но всегда, в любую минуту может случиться [ПМА 2017].*

Часть мигрантов живут сегодняшним днем и не склонны прилагать усилия по легализации, тем более если они не делают серьезных ставок на свое будущее в России: «Сейчас не пытаются оформлять только те, кто так живет: если остановит полиция, ну вышлют, будь что будет» [ПМА 2018]. Однако большинство грузинских мигрантов ищут способ легализовать свое пребывание в России.

### **Переживание недокументированности**

Долгая и сложная история политической напряженности в отношениях России и Грузии накладывает особый отпечаток на восприятие потенциальными мигрантами перспективы работать в России. Жителям Грузии в целом известно, что в течение долгих лет было невозможно получить российскую визу без приглашения от ближайших родственников, что в страну фактически невозможно попасть «простому человеку». Россия — амбивалентное, одновременно враждебное и понятное, близкое пространство. Вследствие эмбарго здесь долгое время вне закона были даже произведенные в Грузии продукты питания. В грузинских СМИ и частном дискурсе Россия фигурирует исключительно как агрессор, оккупировавший 20 % страны (территории Абхазии и Южной Осетии). Долгое время трудовые мигранты попадали в Россию без санкционирующих их пребывание документов. Неудивительно, что многие из тех, кто планировал работать в России, не владея актуальной информацией об оформлении виз, продолжали считать документированный въезд невозможным и полагались на те пути, которые предлагали приглашавшие их работодатели. Как сказал один из моих собеседников, «[я] думал поехать в Россию — это какое-то преступление» [ПМА 2018].

Трудовые мигранты из Грузии воспринимают свое положение как исключительное с правовой точки зрения. Показательно мое обсуждение с недавно приехавшим из Грузии недокументированным работником возможности выяснить действующие визовые условия для граждан Грузии из официальных источников.

**Соб.:** *У нас визовый режим, и нет даже консульства.*

**Исс.:** *То есть получается, Грузия — единственная постсоветская страна, у которой [с Россией] визовый режим?*



*Соб.: Ну да. Ну еще, наверное, с прибалтийскими странами. Но там хотя бы консульства есть [ПМА 2017].*

Правовые и административные сложности, связанные с трудовой миграцией в Россию, особый правовой режим, действующий для граждан Грузии, иногда могут восприниматься как дискриминация грузин по этническому признаку. Так, живущий в Тбилиси молодой мужчина, чья мать живет и работает в России без документов, рассуждает следующим образом:

*Самое плохое, что тут имеет значение национальность. Грузин определили по менталитету. Я знаю много живущих в Грузии азербайджанцев, армян и осетин, они без проблем ездят туда и обратно. Я в Грузии, ты мой сосед, но ты живешь намного лучше, чем я. Из-за чего — из-за бумажки. Тебя пускают. Почему из-за того, что ты другой национальности, тебя пускают, а меня нет? Они все там работают, у них российские документы. К тому же у них вроде как родной язык русский. Но если ты мне дашь возможность, грузину, быть ближе, приезжать, то я тоже обучу русскому своего ребенка, он начнет говорить по-русски, и будет больше единства [ПМА 2017].*

Однако такая точка зрения встречалась мне только в Грузии, но не среди работающих в России мигрантов. Для грузинских трудовых мигрантов характерно скорее ощущение своей стигматизация в России по этническому признаку, как грузин, только в связи с воспринимаемой ими ассоциацией между грузинским происхождением и «этническими» криминальными сетями. Впрочем, и сами трудовые мигранты разделяют популярное в Грузии мнение, что многие грузины едут за границу, чтобы заниматься криминалом. Как сказал мой собеседник, живущий в России с начала 2000-х гг.: «Сюда приезжают либо работать, либо воровать» [ПМА 2017]. Исключительность положения трудовых мигрантов из Грузии высвечивается для них в сравнении с мигрантами из Центральной Азии, например в отношении воспринимаемой сравнительной легкости / трудности арендовать жилье: «Грузин почему-то не любят, боятся, не доверяют, чтобы сдавать им жилье. Почему-то боятся их. Больше доверяют среднеазиатам. А я видел, как они живут — по десять человек в комнате, грязно — большинство» [ПМА 2017].

Изначально я предполагала, что исследование может быть выстроено в том числе вокруг рефлексии трудовых мигрантов на тему отношений двух государств, в последние десятилетия отмеченных политическими и даже военными конфликтами. Однако оказалось, что этот мотив почти не возникает в интервью. Например, мигранты воспринимают трудности, связанные с оформлением документов, скорее как технические, разговор о них не провоцирует рассуждения о проблемах российско-

грузинских отношений. Если этот сюжет и появляется, то, как кажется, позиции и способы говорить об этом грузинских мигрантов (по крайней мере последних лет) не отличаются от тех, которые характерны для жителей Грузии, чья жизнь с Россией напрямую не связана. Значение политической конъюнктуры в рассказах мигрантов отступает перед практической трудностью и эмоциональной нагруженностью непосредственного субъективного опыта.

Мигранты ощущают двойственность недокументированности: тот факт, что они живут и работают в России, с одной стороны, социально не осуждается, с другой — запрещается законом [Reeves 2015: 121].

Недокументированные мигранты много говорят о своем правовом статусе и невозможности долгосрочного планирования. Они живут с ощущением, что в любой момент их могут неожиданно задержать и депортировать, все их жизненные планы могут быть в одночасье нарушены.

В рассказах о столкновениях с полицией эмоция страха редко присутствует эксплицитно, чаще всего мигранты со смехом и даже с некоторым азартом рассказывают о том, как удачно смогли незамеченными пройти мимо полиции, как, будучи остановленными, они смогли обойтись «малой кровью». Именно так, со смехом, рассказывает о задержании сына полицией в России его мать, живущая под Кутаиси.

**Соб.:** Однажды он мне позвонил: «Я рискнул, еду на автобусе». Потом позвонил через полтора часа. Я ему сказала: «Когда приедешь, позвони». Он мне звонит, говорит: «Сижу в милицейской машине» [смеется].

**Исс.:** Пришлось платить?

**Соб.:** Да.

**Исс.:** И много берут?

**Соб.:** Ему повезло, и зависит еще от того, кто и как тебе встретится. У меня там есть еще двоюродная сестра, в [город в России], девушка, и еще она отвезла с собой двоюродного брата, своего ровесника, парня. Его задержали и заставили заплатить пятнадцать тысяч. А моего — три тысячи. Это вопрос везения. Какой тебе встретится [ПМА 2017].

Однако периодически страх прорывается в рассказах мигрантов, они начинают прямо говорить о боязни быть задержанными и депортированными, страх неотступно сопровождает их в публичном пространстве и вытесняет из него. Чаще всего эти эмоции появляются в историях о случаях проверок ФМС на рабочих местах. Один из респондентов рассказывал, как ему пришлось, скрываясь от вошедших в кафе сотрудников ФМС,

выпрыгнуть в окно на задний двор и полчаса пролежать на морозе в сутробе [ПМА 2019]. С правоохранительными органами принимающего государства связано чувство тотальной незащищенности, подверженности любому насилию с их стороны, о чем говорили мои собеседники: «Они здесь могут сделать со мной все что угодно. Я тут как сухой лист [ни к чему не прикреплен, никому не нужен]» [ПМА 2018].

Статус недокументированного мигранта создает у человека ощущение невидимости, которое он испытывает особенно остро в первый год жизни и работы в стране. Это ощущение меняется по мере того, как мигрант привыкает к новому пространству и среде принимающего общества: мой собеседник, которого депортировали, говорил о том, что ему грустно расставаться даже не с людьми, к которым он привык, а именно с городом [ПМА 2018].

Невозможность свободно передвигаться по городу, недоступность досуга, каждодневная рутина, отсутствие перемены мест и впечатлений, необходимость поддерживать вынужденную невидимость рождают чувство связанности и личной несвободы. «Я как собака на привязи», — говорит о себе один из моих собеседников [ПМА 2018]. Самый яркий мотив в переживаниях недокументированных мигрантов — ощущение невидимости, навязанного несуществования, которое наиболее остро проявляется в городских публичных пространствах. Один из моих собеседников так рассуждал о городе, в который он приехал работать: «Да, я вижу, что город красивый, вижу архитектуру, но мне здесь не нравится. Для людей на улице я как будто не существую» [ПМА 2017]. Навязанная невидимость для принимающего сообщества заставляет недокументированных мигрантов ценить моменты позитивного взаимодействия с его представителями, например с посетителями в кафе, где мигранты работают. Такое место работы, как кафе «этнической» кухни, даже при его небезопасности ввиду проверок ФМС, представляет собой городское пространство, где присутствие недокументированных мигрантов имеет максимальную социальную легитимность, где они выступают в роли гостеприимных хозяев, предлагая «свою» кухню местным жителям, и в этой роли хотя бы отчасти выходят из режима невидимости для принимающего сообщества.

Будучи условно невидимыми для государства, грузинские мигранты все время остро чувствуют его присутствие, олицетворенное в постоянной угрозе проверок полицией, ФМС, непредсказуемом процессе пересечения российской границы. Они заинтересованы в том, чтобы отслеживать внутренние российские новости как по грузинским, так и по российским новост-

ным ресурсам, ощущают зависимость своей жизни и будущего от российских политических и экономических реалий.

Грузинские мигранты, работающие в кафе и ресторанах мегаполиса, рефлексируют на тему трудовой миграции, ее экономических последствий для обеих стран. Например, один из моих собеседников рассуждал о том, что те деньги, которые он отправляет в Грузию, не остаются там, а идут в Турцию, туркам, т.к. его семья тратит их преимущественно в турецких магазинах. Свою роль в российской экономике трудовые мигранты могут оценивать двояко. С одной стороны, они говорят, что весь их доход в России отправляется в Грузию: «Я живу тут как паразит [для российского государства], все, что зарабатываю, отправляю в Грузию» [ПМА 2018]. С другой — мигранты, работающие в сфере общепита, рассуждают о том, что грузинские кафе работают на местной сырьевой базе, для местных посетителей, их владельцы платят налоги в России, а значит, вносят вклад в российскую экономику.

Всевозможные неформальные схемы, к которым вынуждены обращаться недокументированные грузинские мигранты в России, создают у них ощущение глубокой коррумпированности российского государства, которое в этом отношении очевидно проигрывает Грузии. Та форма коррупции, которую грузинские трудовые мигранты наблюдают в России, по их мнению, малохарактерна для современной Грузии: «Тут коррупция снизу — милиционер дает своему начальнику взятку, тот своему и так далее» [ПМА 2018]. Это формирует цинично-горькое отношение и к закону, и к своему «нелегальному» положению: «Я — нарушитель закона. Полиция здесь не работает. Если бы работала, меня бы здесь не было» [ПМА 2018]. Как пишет Сьюзен Библер Кутэн, хотя закон делает «легальный» статус необходимым предварительным условием для получения определенных прав и услуг, он одновременно создает механизмы, с помощью которых теневые практики приобретают организацию и упорядочиваются [Coutin 2003: 12]. Если официальная информация о порядке оформления документов, квот на РВП для трудовых мигрантов малопонятна и запутана, то в отношении функционирования многочисленных неформальных схем решения этих вопросов они чувствуют себя намного увереннее. Парадоксальным образом это дает недокументированным мигрантам ощущение, что они могут владеть ситуацией, что любой вопрос решаем при приложении определенных усилий, привлечении знакомств и средств.

Для грузинских мигрантов Россия — страна больших возможностей, место, где можно построить свой бизнес, где есть незакрытые трудовые ниши. Как с азартом сказал один из моих собеседников, «в Грузии рынок перенасыщен, а здесь столько

возможностей!» [ПМА 2018]. Российское государство, несмотря на высокий уровень коррупции, осознаваемый мигрантами, видится им как очень сильное, проводящее уверенную внешнюю политику и, безусловно, экономически более успешное, чем отправляющая их Грузия, а потому привлекательное для работы и реализации амбиций.

### Выводы

Через недокументированный статус трудовых мигрантов из Грузии, работающих в кафе и ресторанах российского мегаполиса, принимающее государство помещает их в пространство правовой неопределенности и вынужденной невидимости. Грузинские мигранты испытывают на себе фактически все трудности «навязанного несуществования», которые определяет Дженова: вынужденные скрытость, невидимость, трансформацию обычных практик, таких как работа или пользование транспортом, в скрытые, ограничение социальной и физической мобильности [De Genova 2002: 427].

Недокументированный статус накладывает отпечаток на важнейшие аспекты повседневности трудовых мигрантов — на восприятие времени и пространства и способы их проживания, способность самостоятельно решать вопросы аренды жилья, возможность отстаивать свои трудовые права. Мигранты выработывают и используют множество тактик достижения невидимости, подстраиваясь под ритмы города и специфику городского пространства. Можно сказать, что необходимость избегать те или иные городские локации и объекты инфраструктуры или оценка определенного дня недели, времени суток с точки зрения опасности / безопасности становятся первой точкой отсчета в восприятии мигрантами большого города.

Цена неопределенности довольно высока. Недокументированность, в частности подверженность депортации, делает невозможным долгосрочное планирование, определяя отношения мигрантов с категорией будущего. С одной стороны, они строят планы, которые предполагают пребывание в России, с другой — понимают, что намеченный путь может оборваться в любой миг. Это превращает и без того сложное, многолинейное жизненное планирование мигрантов в уравнение с множеством неизвестных. Недокументированность лишает их возможности очного общения с близкими, даже приглашение родственника на работу часто связано с получением «легального» статуса тем, к кому он должен приехать.

Недокументированность неизбежно прекарризует мигрантов, существенно снижая планку доступных им заработков и обрекая их на нерегламентированный труд. Необходимость оставаться

в зоне невидимости ставит этих людей в зависимость от работодателя, который становится буфером между ними и государством. Это касается как защиты от проверяющих органов (ФМС, полиции), так и посредничества при аренде жилья, иногда — в вопросах оформления документов. Чувствуя себя нарушителями государственного закона, мигранты понимают, что с социальной точки зрения их недокументированность далеко не всегда является основанием для стигматизации. Однако для них очевидно и то, что другие горожане (например, соседи), узнав об отсутствии у них разрешающих пребывания в стране документов, получают рычаг давления, поскольку могут сообщить об этом в полицию или ФМС.

Недокументированность приобретает коннотации с телесностью и при этом связана с другими дискриминирующими характеристиками, в случае грузинских трудовых мигрантов — криминальностью. С одной стороны, телесность мигрантов — фактор, затрудняющий поддержание невидимости, а значит, еще больше ограничивающий их доступ к публичным пространствам, с другой — та же телесность может использоваться стратегически.

Недокументированность рождает у мигрантов чувство навязанного несуществования, изолированности от принимающего сообщества, которое они испытывают наиболее остро в публичных пространствах. Повседневность мигрантов также ограничена недокументированностью и от этого рутинна, однообразна, лишена обычного досуга и создает у них ощущение связанности, непринадлежности себе. «Этнические» кафе и рестораны становятся фактически единственным публичным пространством, где благодаря социальной легитимности своего присутствия мигранты могут выйти из зоны невидимости и хотя бы отчасти манифестировать свое существование. Однако чувство страха и незащищенности (еще одна эмоция, о которой скорее не говорят, а проговариваются недокументированные мигранты) в этом пространстве не ослабевает, а наоборот, может становиться особенно острым.

В силу дефицита информации и трудностей, связанных с получением виз и квот на РВП, легализационные практики трудовых мигрантов погружают их в теневую сферу неформальных договоренностей и схем. Доступ к бюрократической информации, позволяющей адекватно оценить перспективы легализации, затруднен во многом в силу гнета недокументированности, делающей опасным любой выход из «зоны невидимости». В то же время сама легализация в доступных мигрантам ее формах имеет неоднозначные последствия для их работы в России и не всегда представляет собой выгодную стратегию. Тем не менее легализация для трудового мигранта не только способ получить

доступ к новым возможностям, но и, что не менее важно, путь избавления от повседневного страха задержания и депортации. Таким образом, повседневность мигрантов пронизана постоянным стремлением к поддержанию невидимости для государства в лице проверяющих органов и одновременно желанием получить от государства право на видимое присутствие в его границах.

Воспринимаемая коррумпированность российского государства обуславливает разочарование и неверие в законность в России. Вместе с тем, лучше ориентираться в неформальных способах решения правовых вопросов, чем в официальных бюрократических процедурах, мигранты приобретают ощущение владения ситуацией и решаемости почти любой проблемы. Недокументированность имеет денежный эквивалент — необходимость платить и переплачивать за то, что для имеющих «легальный» статус обходится дешевле или бесплатно.

Трудовые мигранты из Грузии воспринимают свое положение как исключительное с правовой точки зрения, недокументированность выталкивает их в серую зону невидимости. При этом мигранты оказываются вынуждены сами отстраивать эту зону: большая часть их жизни в России подразумевает усилия по поддержанию своей невидимости, прежде всего для российского государства. Одновременно фактор присутствия государства, государственного контроля остро проявляется почти во всех аспектах их повседневности.

### **Благодарности**

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», № 14-18-02149-П, выполнявшегося при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

### **Список сокращений**

ПМА 2017, ПМА 2018, ПМА 2019 — полевые материалы автора 2017, 2018 и 2019 гг.

### **Источники**

Антигрузинская кампания в России // Мемориал. <<http://old.memo.ru/hr/discrim/georgia.html>>. [В настоящее время просмотр контента запрещен, дата последнего просмотра 22.10.2018].

*Ахметели Н.* Грузия все более популярна у туристов из России // BBC News, Русская служба. 2015, 24 авг. <[https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150823\\_russian\\_tourism\\_in\\_georgia](https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150823_russian_tourism_in_georgia)>.

Более 9 тыс. граждан Грузии нарушили миграционное законодательство РФ // РИА Новости. 2012, 13 июня. <<https://ria.ru/society/20120613/672068870.html>>.

Большинство грузин, уехавших в Россию в 2017 году, не вернулись на родину // Sputnik. 2018, 5 фев. <<https://sptnkne.ws/gD5V>>.

- Граждане Грузии предпочитают уезжать в Россию // Вестник Кавказа. 2015, 14 июля. <<http://vestikavkaza.ru/news/Grazhdane-Gruzii-predpochitayut-uezzhat-v-Rossiyu.html>>.
- Грузия принимает «скотовозы» МЧС // Правда.Ру. 2006, 10 окт. <<https://www.pravda.ru/news/world/10-10-2006/199640-georgia-0>>.
- Отношение к странам // Левада-центр. <<https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam>>.
- Origins and Destinations of the World's Migrants, 1990–2017 // Pew Research Center. 2018, Feb. 28. <<http://www.pewglobal.org/2018/02/28/global-migrant-stocks/?country=GE&date=2017>>.

### Библиография

- Кондаков А.А. Интеграция трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге: взаимодействие социальной политики и общественных инициатив: Дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2016. 185 с.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Bjorneseth F. Vision, Visibility, and “The Art of Acting Thai”: Migrants’ Navigation of the Thai-Burmese Borderlands // *Etnofoor*. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 43–62.
- Boehm D.A. “¿Quien Sabe?”: Deportation and Temporality Among Transnational Mexicans // *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. 2009. Vol. 38. No. 2/3/4: Transnational Mexican Migration. P. 345–374.
- Burman J. Absence, “Removal” and Everyday Life in the Diasporic City // *Space and Culture*. 2006. No. 9. P. 279–293. doi: 10.1177/1206331206289021.
- Chavez L.R. *Shadowed Lives: Undocumented Immigrants in American Society*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1992. XVII+202 p. (Case Studies in Cultural Anthropology).
- Coutin S.B. *Legalizing Moves: Salvadoran Immigrants’ Struggle for U.S. Residency*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003. XIV+228 p. doi: 10.3998/mpub.16187.
- De Genova N.P. “Migrant Illegality” and Deportability in Everyday Life // *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. No. 1. P. 419–447. doi: 10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432.
- De Genova N. *Working the Boundaries: Race, Space, and “Illegality” in Mexican Chicago*. Durham, NC: Duke University Press, 2005. XII+329 p.
- Hofmann E.T. Choosing Your Country: Networks, Perceptions and Destination Selection among Georgian Labour Migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. Vol. 41. No. 5. P. 813–834. doi: 10.1080/1369183X.2014.930660.
- Köhn S. *Mediating Mobility: Visual Anthropology in the Age of Migration*. L.: Wallflower Press, 2016. (Ch. 1: Migrant In/visibility. P. 30–52). doi: 10.7312/kohn17888.
- Ngai M.M. *Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 377 p.



- Peutz N.* Embarking on an Anthropology of Removal // *Current Anthropology*. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 217–241. doi: 10.1086/498949.
- Peutz N.* Out-laws: Deportees, Desire and “The Law” // *International Migration*. 2007. Vol. 45. No. 3. P. 183–191. doi: 10.1111/j.1468-2435.2007.00415.x.
- Plascencia L.F.B.* The “Undocumented” Mexican Migrant Question: Re-Examining the Framing of Law and Illegalization in the United States // *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. 2009. Vol. 38. No. 2/3/4: Transnational Mexican Migration. P. 375–434.
- Reeves M.* Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow // *Social Analysis*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 119–136. doi: 10.3167/sa.2015.590408.
- Savvidis T.* (Hg.). *International Migration: Local Conditions and Effects*. Berlin: Freie Universität Berlin, 2009. 136 p. (Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin, Heft 3).
- Tchaidze R., Torosyan K.* *Development on the Move: Measuring and Optimising Migration’s Economic and Social Impacts in Georgia*. Tbilisi: ISET, 2010. 69 p.
- Villegas F.J.* Strategic In/Visibility and Undocumented Migrants // *Counterpoints*. 2010. Vol. 368: Fanon & Education: Thinking Through Pedagogical Possibilities. P. 147–170.
- Willen S.S.* Introduction: Exploring “Illegal” and “Irregular” Migrants’ Lived Experiences of Law and State Power // *International Migration*. 2007a. Vol. 45. No. 3. P. 2–7.
- Willen S.S.* Toward a Critical Phenomenology of “Illegality”: State Power, Criminalization, and Abjectivity among Undocumented Migrant Workers in Tel Aviv, Israel // *International Migration*. 2007b. Vol. 45. No. 3. P. 8–38. doi: 10.1111/j.1468-2435.2007.00409.x.

---

## “I Thought That Coming to Russia Was a Kind of Crime”: Undocumented Labor Migrants from Georgia in the Space of Legal Uncertainty

**Evgenia Zakharova**

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),  
Russian Academy of Sciences  
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia  
evgenics@gmail.com

The article was prepared as part of a study of Georgian migration to large cities in Russia, which focuses primarily on Georgian “ethnic” business. The author addresses the question of how undocumentedness and deportability affect the organization of

daily life and life strategies of new labor migrants from Georgia, and how these influence their working conditions and relationship with entrepreneurs who make use of their labor. In other words, what does it mean to live in the space of legal uncertainty? This research task determines the wording of the next question about the migrants' perception of their legal status, the level of legality in Russia and the host state as such. The article also considers a natural aspect of undocumentedness — the legalization practices of Georgian labor migrants. The author concludes that Georgian labor migrants experience virtually all dimensions of “imposed non-existence”: the transformation of ordinary actions, such as work or traveling — due to a combination of various kinds of ineligibility — into illicit ones, restrictions of physical as well as social mobility. Migrant workers from Georgia perceive their situation as exceptional from a legal point of view; their undocumentedness creates a feeling of isolation and imposed invisibility. On the other hand, most of their life in Russia involves efforts to maintain their invisibility to the Russian state. At the same time, the presence of the state is clearly manifested in many aspects of their everyday life.

**Keywords:** labor migrants, Georgia, restaurant business, legal uncertainty, undocumentedness, deportability, legalization, perception of the state.

#### **Acknowledgements**

The article was prepared as part of the project “Transnational and Translocal Aspects of Migration in Modern Russia”, no. 14-18-02149-II, carried out at the European University at St Petersburg.

#### **References**

- Bjørneseth F., ‘Vision, Visibility, and “The Art of Acting Thai”: Migrants’ Navigation of the Thai-Burmese Borderlands’, *Etnofoor*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 43–62.
- Boehm D. A., “¿Quien Sabe?”: Deportation and Temporality Among Transnational Mexicans’, *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, 2009, vol. 38, no. 2/3/4: Transnational Mexican Migration, pp. 345–374.
- Burman J., ‘Absence, “Removal” and Everyday Life in the Diasporic City’, *Space and Culture*, 2006, no. 9, pp. 279–293. doi: 10.1177/1206331206289021.
- Chavez L. R., *Shadowed Lives: Undocumented Immigrants in American Society*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1992, XVII+202 pp. (Case Studies in Cultural Anthropology).
- Coutin S. B., *Legalizing Moves: Salvadoran Immigrants’ Struggle for U.S. Residency*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003, XIV+228 pp. doi: 10.3998/mpub.16187.

- De Genova N. P., “‘Migrant Illegality” and Deportability in Everyday Life’, *Annual Review of Anthropology*, 2002, vol. 31, no. 1, pp. 419–447. doi: 10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432.
- De Genova N., *Working the Boundaries: Race, Space, and “Illegality” in Mexican Chicago*. Durham, NC: Duke University Press, 2005, XII+329 pp.
- Hofmann E. T., ‘Choosing Your Country: Networks, Perceptions and Destination Selection among Georgian Labour Migrants’, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2015, vol. 41, no. 5, pp. 813–834. doi: 10.1080/1369183X.2014.930660.
- Kondakov A. A., *Integratsiya trudovykh migrantov v Sankt-Peterburge: vzaimodeystvie sotsialnoy politiki i obshchestvennykh initsiativ* [Integration of Labor Migrants in St Petersburg: The Interaction of Social Policy and Public Initiatives]: Dissertation in Sociology. St Petersburg, 2016, 185 pp. (In Russian).
- Köhn S., *Mediating Mobility: Visual Anthropology in the Age of Migration*. London: Wallflower Press, 2016 (ch. 1: Migrant In/visibility, pp. 30–52). doi: 10.7312/kohn17888.
- Ngai M. M., *Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004, 377 pp.
- Peutz N., ‘Embarking on an Anthropology of Removal’, *Current Anthropology*, 2006, vol. 47, no. 2, pp. 217–241. doi: 10.1086/498949.
- Peutz N., ‘Out-laws: Deportees, Desire and “The Law”’, *International Migration*, 2007, vol. 45, no. 3, pp. 183–191. doi: 10.1111/j.1468-2435.2007.00415.x.
- Plascencia L. F. B., ‘The “Undocumented” Mexican Migrant Question: Re-Examining the Framing of Law and Illegalization in the United States’, *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, 2009, vol. 38, no. 2/3/4: Transnational Mexican Migration, pp. 375–434.
- Reeves M., ‘Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow’, *Social Analysis*, 2015, vol. 59, no. 4, pp. 119–136. doi: 10.3167/sa.2015.590408.
- Savvidis T. (Hg.), *International Migration: Local Conditions and Effects*. Berlin: Freie Universität Berlin, 2009, 136 pp. (Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin, Heft 3).
- Standing G., *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic, 2011, X+198 pp.
- Tchaidze R., Torosyan K., *Development on the Move: Measuring and Optimising Migration’s Economic and Social Impacts in Georgia*. Tbilisi: ISET, 2010, 69 pp.
- Villegas F. J., ‘Strategic In/Visibility and Undocumented Migrants’, *Counterpoints*, 2010, vol. 368: Fanon & Education: Thinking through Pedagogical Possibilities, pp. 147–170.
- Willen S. S., ‘Introduction: Exploring “Illegal” and “Irregular” Migrants’ Lived Experiences of Law and State Power’, *International Migration*, 2007, vol. 45, no. 3, pp. 2–7.
- Willen S. S., ‘Toward a Critical Phenomenology of “Illegality”: State Power, Criminalization, and Abjectivity among Undocumented Migrant Workers in Tel Aviv, Israel’, *International Migration*, 2007, vol. 45, no. 3, pp. 8–38. doi: 10.1111/j.1468-2435.2007.00409.x.